

ЗАХАРОВ ЕВГЕНИЙ

ПОРОГ

ПРИЧАСТИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК,
НАЧИНАЕТСЯ ЧТО-ТО ДРУГОЕ

Евгений Захаров

Порог

<https://litres.ru/74132209>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла спасать детей. Осталась — чтобы спасти человечество от самого себя.

Пограничная станция Арден-6, край освоенного космоса. Молодой врач-педиатр Эйрисса Вейл прилетает сюда, чтобы лечить чужих детей — потому что своей семье у неё никогда не было. Здесь она находит то, чего не искала: техника Ранги, чья любовь оказывается больше страха смерти, и покой, которого не знала с детства.

ПОРОГ. Причастие — первая книга саги о женщине, ставшей мостом между двумя видами; о цене, которую платит любовь, когда решает быть больше, чем просто чувством; о вселенной, где смерти нет — есть только переход, и где самая страшная бездна оказывается зеркалом.

Для тех, кто любит «Чужого» — за атмосферу тьмы под кожей. Для тех, кто любит «Дюну» и «Игру престолов» — за политику, веру и цену власти. Для тех, кто ищет историю любви, которая не боится смерти, потому что уже её пережила.

Порог не закрывается. Он ждёт следующую.

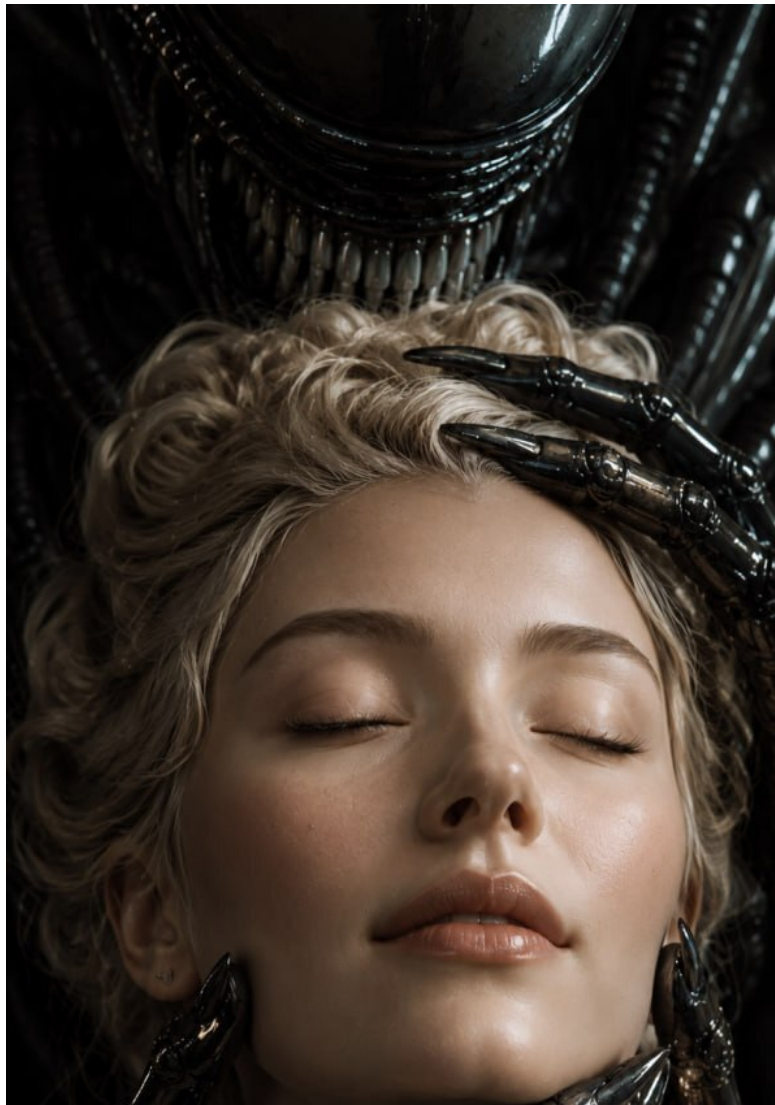
Содержание

Глава	4
СОДЕРЖАНИЕ	4
ПРОЛОГ	7
Глава 1. Та, что выбрала окраину	8
Глава 2. Ранги	17
Глава 3. Под камнем	29
Глава 4. До вечера	38
Глава 5. Двое суток	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Порог

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

Глава 1. Та, что выбрала окраину

Глава 2. Ранги

Глава 3. Под камнем

Глава 4. До вечера

Глава 5. Двое суток

Глава 6. Порог

Глава 7. Те, кто остался

Глава 8. Откровение

Глава 9. Таймер

Глава 10. Горизонт

Глава 11. Враг моего врага

Глава 12. Сборы

Глава 13. Вакула

Глава 14. Потолок

Глава 15. Аврора

ПРОЛОГ

ПОРОГ

Книга первая: Причастие

Глава 1. Та, что выбрала окраину

Челнок вошёл в атмосферу жёстко — так, как входят в неё все суда на границе освоенного пространства, где никто не тратит топливо на плавность и комфорт пассажиров, потому что пассажиры сюда летят не за комфортом.

Арден-6 открылась в иллюминаторах сразу и целиком — бурый, испещрённый трещинами ландшафт, над которым висело небо цвета застывшего пепла. Ни океанов, ни зелени, ни единого признака того, что здесь когда-нибудь было или будет хорошо. Только камень, буря у горизонта и крошечный купол станции — единственное светлое пятно посреди абсолютного безразличия породы.

— Один в один, — сказал Пит Каррен.

Он сидел у левого иллюминатора — крупный, широкоплечий, с руками которые помнили десять лет бурового оборудования — и смотрел на луну внизу с выражением человека, который давно всё понял и теперь просто ждёт когда остальные догонят.

— Что один в один? — спросил сосед справа, не открывая глаз.

— LV-426. — Каррен постучал пальцем по стеклу. — Та же граница. То же расстояние до зоны тёмной материи. Бурый камень, атмосфера почти нулевая, буря у горизонта. Я читал рапорты — те, что не засекретили до конца.

— Каррен.

— Что?

— Заткнись.

— Я просто говорю, — сказал Каррен без обиды — тем спокойным, немного усталым тоном человека, которому не привыкать. — На LV-426 тоже была колония. Хэдлис-Хоуп называлась. Сто человек. Никто не вернулся.

— Это легенда, — сказал кто-то сзади. — Страшилка для новичков.

— Ностромо был реальным кораблём, — сказал Каррен. — Экипаж был реальным. Рипли была реальной. Её нашли через пятьдесят семь лет в спасательной капсуле — это не легенда, это протокол поиска без вести пропавших, раздел четыре, пункт девять. Я проверял.

Сосед натянул куртку на голову.

Несколько человек в хвосте переглянулись — кто с усмешкой, кто с тем особым выражением, с которым слушают человека которого считают чудаком, но на всякий случай запоминают что он говорит.

Именно в этот момент по проходу прошла женщина.

Она шла от хвоста к носу — искала своё место, на ходу сверяясь с номером на посадочном талоне. Светлые волосы выбились из-под воротника, она убрала их машинально, не глядя, не думая об этом. Несколько мужчин проводили её взглядом — рефлекторно, как провожают взглядом что-то, что не вписывается в привычный фон. Она этого не замети-

ла. Нашла своё место, убрала сумку в багажный отсек, села и повернулась к иллюминатору.

Каррен покосился. Потом снова уставился в своё стекло.

— Вы врач? — спросил он, ни к кому особенно не обращаясь.

— Педиатр, — сказала она, не оборачиваясь.

— Понятно, — сказал Каррен.

Помолчал ровно три секунды.

— Жалко.

Никто не спросил что он имел в виду. Каждый понял по-своему.

— Каррен, — донеслось из-под куртки. — Я тебя очень прошу.

— Всё, всё. Молчу.

Он помолчал столько, сколько нужно было чтобы сосед поверил. Потом снова посмотрел в иллюминатор — на бурый камень, на бурю у горизонта, на небо цвета застывшего пепла.

— Просто говорю, — сказал он тихо, себе. — Один в один.

Эйрисса Вейл смотрела на Арден-6 и думала о том, что наставник был прав.

Там нет будущего, — говорил он. — Там есть только настоящее, и оно паршивое.

Она помнила как ответила тогда — спокойно, без пафоса, так как отвечают на очевидное: значит, там тем более нужен

врач.

Он не нашёлся что возразить.

Это было полгода назад, на «Ютланде», в кабинете с видом на орбитальный стыковочный узел и на бесконечную очередь грузовых судов за стеклом. Она тогда уже подала заявление. Уже знала что летит. Пришла просто сказать — не попросить разрешения, не услышать благословения. Просто сказать.

Он был хорошим наставником. Лучшим из тех что у неё были. Но он не понял бы — не потому что был плохим человеком, а потому что у него было всё что удерживает людей на месте: семья, квартира с окном, коллеги которые знали его по имени уже тридцать лет, кофе из одной и той же машины каждое утро. У него было что терять.

У неё не было ничего.

Это не было трагедией — это было просто фактом, таким же как цвет глаз. Мать умерла когда Эйриссе было семь. Не от болезни, не от несчастного случая — просто однажды утром перестала просыпаться, и никто на станции «Беринг-4» не смог объяснить почему сердце здоровой тридцатипятилетней женщины остановилось во сне. Отец прожил после этого ещё четыре года — медленно, как догорает фитиль без масла. Он не пил и не кричал. Он просто с каждым месяцем становился всё тише, пока однажды не вышел в технический отсек без скафандра. Запись с камер потом стёрли — администрация сочла это милосерднее.

Эйрисса осталась одна в системе где никто никому не был должен заботы сверх минимума прописанного в контракте.

Интернат. Серое здание у доков. Запах машинного масла и каши из регенерированного зерна. Там не били и не морили голодом — там было ровно достаточно чтобы выжить, и ничего сверх того что превратило бы существование в жизнь.

Многие дети в таких местах ожесточаются. Это естественно — сердце учится не доверять миру раньше чем учится доверять себе. Но с Эйриссой произошло иначе. Будто холод в котором она росла не выморозил в ней способность чувствовать — а напротив, обнажил её, сделал острее. Она замечала то что не замечали другие. Дрожь в голосе воспитательницы когда та говорила о дочери оставшейся на Земле. Страх в глазах мальчика который притворялся что ему не больно после падения с лестницы.

В четырнадцать она впервые взяла на себя ночное дежурство у постели заболевшего малыша из младшей группы — просто потому что увидела как он плачет один в тёмной палате и не смогла уйти. К восемнадцати, когда пришло время выбирать путь, выбор был уже сделан — её собственным сердцем, годами раньше любых документов.

Педиатрия. Не случайность. В детских палатах, среди капельниц и тихого попискивания мониторов, она будто возвращала долг — не себе, но кому-то кто когда-то должен был сидеть у её постели и не сидел.

Шесть лет учёбы. Три года интернатуры. К двадцати семи

— стабильная должность, приличное жалование, перспектива карьерного роста через десять лет упорной службы в одной из центральных клиник.

И полное, абсолютное отсутствие чего-либо что удерживало бы её на месте.

Когда пришёл циркуляр о наборе медицинского персонала для удалённых горнодобывающих колоний — она подала заявление в тот же день.

Челнок сел жёстко — как всегда садились на Арден-6, потому что атмосферные буры гнали вибрацию через всю породу до самой посадочной площадки и пилоты давно перестали с этим бороться.

Трап выдвинулся с лязгом.

На трапе был лёд — полоса у левого поручня, там где конденсат капал на металл и успевал замёрзнуть. Эйрисса почувствовала как нога скользит в ту же долю секунды когда почувствовала чужую руку — твёрдую, без колебания, взявшую её под локоть именно там где нужно.

Она не упала. Выровнялась. Подняла взгляд.

Мужчина стоял на ступеньку ниже — в рабочем комбинезоне с нашивкой технического отдела, невысокий, широкоплечий, с лицом человека привыкшего смотреть на вещи а не на людей. Рядом переминался молодой стажёр с планшетом.

— Осторожно, — сказал мужчина.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул и убрал руку — так же спокойно как подал.

Сказал стажёру что-то про накладную на оборудование в третьем контейнере. Они пошли вниз, занятые своим делом.

Эйрисса спустилась следом. На последней ступеньке оглянулась — не зная зачем.

Он смотрел в сторону контейнеров. Не на неё.

Она подхватила сумку и пошла к зданию станции.

Ничего особенного не случилось. Просто кто-то поймал её на скользком трапе.

Но что-то в ней отметило это — коротко, почти незаметно, как отмечают случайную мелодию которую потом весь день напеваешь не помня откуда.

Позади, на трапе, Каррен спускался последним — придерживая поручень обеими руками, глядя на купол станции с тем же выражением с которым смотрел в иллюминатор.

— Один в один, — сказал он тихо.

Никто его не услышал.

Колония насчитывала чуть больше ста постоянных жителей: горные инженеры, техники атмосферных процессоров, их немногочисленные семьи и дети. Местная пыль, насыщенная мелкодисперсным силикатом, забивала лёгкие даже сквозь фильтры жилых модулей. Перепады давления при штормах вызывали хронические головные боли. Единственный врач до неё скончался полугодом ранее от остановки сердца, проработав на станции одиннадцать лет без отпуска.

Эйрисса взялась за дело так как бралась всегда — без жалоб и без пафоса, методично заполняя пустоту собственным

присутствием. Выучила имена всех детей в первую неделю. Завела для каждого отдельную карту — расчертила от руки, по вечерам, при свете аварийной лампы, потому что основное освещение отключали в десять вечера для экономии энергии реактора.

Её любили — не сразу, но быстро.

Шахтёры, грубые на язык люди привыкшие не доверять никому кто не отработал смену под землёй, стали приносить ей контрабандный шоколад с грузовых кораблей — в благодарность за то что она дважды за зиму спасла жизнь их детям. Дети полюбили её сразу и безоговорочно, тем особым безусловным чутьём которым отличают настоящую заботу от исполнения служебных обязанностей.

Восьмилетняя Кейси Брайс — дочь геолога Тома Брайса, хроническая астма, постоянный пациент — однажды сказала:

— Доктор Эйрисса никогда не торопится. Даже когда торопится — не торопится.

Это было правдой больше чем сама Кейси могла понять.

Шли месяцы. Станция жила своей размеренной тяжёлой жизнью. Буровые установки вгрызались в породу день и ночь. Атмосферные процессоры медленно, на протяжении десятилетий, меняли состав воздуха снаружи купола.

Эйрисса писала редкие письма наставнику на «Ютланд». В последнем из них, отправленном за три недели до того как связь с Арден-6 оборвалась навсегда, она написала всего од-

ну строчку сверх обычного отчёта:

«Кажется, я наконец нашла место, где моё сердце не лишнее».

Она не знала что это была последняя спокойная ночь.

Она не знала что где-то под скальной породой, в темноте давно заброшенной разведочной выработки, нечто — спавшее, может быть, тысячелетия — уже почувствовало приближение жизни способной его разбудить.

Глава 2. Ранги

I.

Его звали Ранги Парата.

Она узнала это через три дня — случайно, из списка персонала который пришла подписать у администратора. Парата Ранги, старший техник атмосферных систем, третий год контракта.

До этого он был просто человеком с трапа.

Они виделись ещё дважды за ту первую неделю — в столовой, в коридоре у шлюза. Он здоровался коротко, без попытки разговориться. Она отвечала так же. На станции все так — слова экономили так же как воздух и воду: только необходимое, только по делу.

Но она заметила — не сразу, постепенно, как замечают вещи которые не хотят замечать намеренно — что он здоровается с ней иначе чем с остальными. Не дольше. Не теплее. Просто — чуть внимательнее. Как будто когда она появлялась в поле зрения, он на долю секунды переставал делать то что делал.

Она решила что это ей кажется. Вероятно, это ей казалось. Поворот случился на четвёртой неделе.

Был поздний вечер — она возвращалась из медотсека после долгой смены, с планшетом под мышкой и головой занятая картой маленького Томаса с его хроническим бронхи-

том. Коридоры в это время были почти пустые — только дежурная смена и редкие техники между вахтами.

Она почти прошла мимо технического блока когда услышала голос.

Детский, сдавленный, с той особой интонацией которую она научилась распознавать раньше всего остального — так не плачут от боли, так плачут от страха. Она свернула не думая.

В узком техническом проходе между генераторными стойками сидел мальчик лет шести — Лукас, сын одного из буровых инженеров. На полу, прижав колено к груди, с рассечённой бровью и выражением человека который твёрдо решил не плакать но проигрывает эту битву уже несколько минут.

Рядом с ним на корточках был Ранги.

Он не утешал. Не говорил всё хорошо и не бойся — всё то что дети слышат от взрослых и никогда не слушают. Он показывал мальчику что-то на своём коммуникаторе — схему вентиляционной системы, судя по жестам. Объяснял что-то про давление и воздушные потоки, медленно, без упрощений, как объясняют тому кто способен понять. Лукас смотрел на схему и страх в его лице потихоньку вытеснялся любопытством — тем живым детским любопытством которое сильнее боли если его правильно зацепить.

Эйрисса остановилась в проёме.

Ранги поднял взгляд. Увидел её. Кивнул на бровь мальчи-

ка — коротко, без слов.

Она присела рядом. Достала из кармана халата антисептик и пластырь — она всегда носила с собой минимальный набор, привычка выработанная ещё в интернате где аптечка была одна на весь этаж и до неё было далеко.

— Покажи, — сказала она Лукасу.

Тот показал. Она обработала, заклеила, осмотрела зрачки — на всякий случай, сотрясения у детей бывают без видимых симптомов. Всё было в порядке.

— Шрам будет маленький, — сказала она. — Почти незаметный. Но если хочешь — можешь говорить всем что это от взрыва в шахте. Никто не проверит.

Лукас засмеялся — коротко, удивлённо, так смеются дети когда взрослый говорит что-то неожиданно человеческое.

Они вышли вместе — Ранги, Эйрисса и Лукас между ними. У развилки Ранги остановился. Лукас потрусил в сторону жилого блока, всё ещё что-то бормоча про схему.

— Спасибо, — сказал Ранги.

— Это моя работа.

— Нет. — Он чуть качнул головой. — То что вы сказали ему про шрам — это не работа. Это вы.

Она не нашлась сразу что ответить. Он смотрел на неё ровно и спокойно — без кокетства, без намерения произвести впечатление, просто сказал то что думал и ждал.

— Меня зовут Ранги, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она. — Список персонала.

— Эйрисса, — сказал он. — Я тоже смотрел.

И ушёл в сторону технического блока. Не оглядываясь.

Эйрисса стояла на развилке ещё секунду.

Я тоже смотрел.

Значит — не первый раз. Значит — заметил раньше неё.

Или одновременно. Или она вообще ничего не понимает и читает в простых словах то чего там нет.

Она пошла домой. Думала о карте Томаса. Почти не думала о Ранги Парата, старшем технике атмосферных систем, третий год контракта.

Почти.

II.

Следующие недели она замечала его так как замечают человека когда уже знаешь его имя — иначе чем раньше. Он был везде где был нужен и нигде где не нужен. Работал без лишнего шума. В столовой всегда садился спиной к стене — не из паранойи, просто привычка человека который привык видеть помещение целиком.

Она начала здороваться первой. Не сразу поняла что делает это.

Потом — однажды вечером когда все столы в столовой были заняты кроме одного — она поставила поднос напротив него и спросила можно ли сесть. Он сказал конечно. Они поели почти молча. Он спросил про Томаса — она рассказывала о нём мимоходом при Лукасе, оказывается он запомнил. Она ответила. Он слушал без спешки, без взгляда на

часы, без того нетерпения с которым люди ждут паузы чтобы вставить своё.

Когда она встала уходить он сказал:

— Завтра в «Горизонте» будет нормальный закат. Дариус обещал включить полную программу.

Она остановилась.

— Вы приглашаете?

Он подумал секунду — честно, без игры.

— Да, — сказал он.

«Горизонт» был маленьким куполом в хвостовой части жилого модуля — единственной роскошью которую администрация Альянса позволила колонии, и то, судя по документам, случайно: в смету закралась строчка про «психологическую разгрузку персонала» и никто не стал её оспаривать. Внутри на стенах шёл непрерывный экран — небо, вода, горизонт. Программ было несколько: рассвет над океаном, закат над степью, ночь с настоящими звёздами записанными где-то в южном полушарии Земли.

Людей туда приходило немного. Кто-то говорил что от искусственного неба только грустнее. Кто-то приходил именно поэтому.

Эйрисса пришла в «Горизонт» в первый раз ещё в начале второго месяца — одна, после тяжёлой смены, просто посидеть. Небо над имитатором было неправильным — слишком правильным, без единого облака, без ветра который двигал бы его края. Но вода шелестела почти настоящей водой. Она

сидела там час и ни о чём не думала, что само по себе было редкостью.

Теперь она сидела там с Ранги.

Он пришёл точно вовремя — не раньше, не позже, без того нарочитого опоздания которым некоторые люди пытаются что-то обозначить. Принёс два стакана с чем-то горячим из автомата в коридоре, поставил один перед ней без вопроса, сел рядом.

Закат начался.

Неправильный, слишком красивый, без единой тучи. Но свет был тёплым. После флуоресцентных ламп медотсека — очень тёплым.

Она рассказывала про Кейси — про то как девочка сегодня на приёме притворялась что не боится укола. Как это было одновременно трогательно и немного смешно — та особая детская гордость которая важнее боли.

Ранги слушал.

Не из вежливости — она умела отличать. Он слушал так как слушают люди которым интересен не рассказ а рассказчик: чуть повернув голову, не перебивая, иногда едва заметно улыбаясь в ту секунду когда улыбка была нужна — не раньше и не позже.

— Ты опять так смотришь, — сказала она.

— Как?

— Как будто я говорю что-то важное.

— Ты говоришь важное.

— Я рассказываю про ребёнка и укол.

— Да, — сказал он. — Важное.

Она засмеялась — тем коротким удивлённым смехом который у неё получался когда она не успевала его остановить. Убрала волосы за ухо. Они тут же выбились обратно.

Он это видел. Ничего не сказал.

Потом говорил он — про атмосферные процессоры, про то как работает система нагнетания в условиях аномального давления, про третий контур который барахлил уже полгода и на который администрация не выделяла запчасти потому что по бумагам он числился как вспомогательный. Это звучало скучно — и не было скучным, потому что он умел объяснять так что за словами было видно как он думает, а думал он точно и без лишнего.

Она спросила откуда он.

— Новая Зеландия, — сказал он. — Но вырос на орбитальной. Мать была навигатором на грузовом маршруте.

— Я тоже не на Земле, — сказала она. — «Беринг-4». Орбитальная станция у границы сектора.

Он кивнул — без расспросов, без рассказа подробнее. Просто принял это как факт её жизни который принадлежит ей.

Именно тогда она поняла что именно в нём такое.

Он не заполнял паузы. Не торопил разговор туда куда было удобно ему. Он просто был рядом — и это рядом ничего не требовало. Не заставляло объяснять себя, не ждало что

она будет интереснее или проще или другой.

Для неё — человека выросшего там где тишина всегда означала одиночество — это было как первый глоток воздуха после долгого погружения.

Неожиданно. Почти пугающе.

Ш.

«Горизонт» стал их местом.

Не по договорённости — просто так сложилось, как складываются вещи между людьми которым хорошо вместе и которые не торопятся это называть. По вечерам, когда у обоих заканчивалась смена и у Дариуса хватало настроения включить программу. Иногда с другими — с Гретой, с Дариусом, с Хольмом который пил чай и молчал с видом человека отбывающего культурную программу. Иногда вдвоём.

Вдвоём было лучше.

Однажды она пришла раньше и увидела как он сидит один у дальней стены — не смотрит на экран, смотрит куда-то мимо него, с тем выражением которое бывает у людей когда они думают о чём-то далёком. Она остановилась в дверях — не хотела мешать.

Он почувствовал её раньше чем увидел. Повернул голову. — Заходи, — сказал он просто.

Она зашла. Села рядом. Спросила — о чём думал.

— О горах, — сказал он. — На Земле есть горы. Я никогда не видел гор.

— Я никогда не видела океана, — сказала она.

— Увидишь, — сказал он.

Не хотелось бы и не когда-нибудь может быть. Просто — увидишь. Как говорят о вещах в которые не нужно верить потому что они просто случатся.

Она посмотрела на него.

Он был из тех людей которые занимают ровно столько места сколько им нужно — не больше, не меньше. Широкие плечи, руки с вьёвшейся под ногти технической смазкой которую не отмыть никаким мылом, короткие тёмные волосы. Лицо человека привыкшего смотреть на вещи. И поэтому когда он смотрел на людей — это чувствовалось иначе. Как будто он видел не то что они показывают, а то что есть.

Месяц спустя она поняла что влюблена.

Не вспышкой — постепенно, как понимают вещи которые уже давно правда но которые страшно называть по имени. Она поняла это в самый обычный момент — когда он чинил что-то в коридоре у медотсека и она проходила мимо и он поднял голову и сказал привет — просто привет, ничего больше — и она поняла что ждала этого приветов весь день не признаваясь себе в этом.

Она не сказала ему сразу. Не умела говорить о таком вслух — не потому что была закрытой, а потому что слова для этого всегда казались ей меньше того что они должны были означать.

Но однажды вечером в «Горизонте» — когда экран крутил ночь с настоящими звёздами и они сидели в темноте пле-

чом к плечу и молчали тем молчанием которое уже ничего не требует — она взяла его руку.

Просто взяла.

Он не удивился. Не сказал ничего. Просто сжал её пальцы в ответ — легко, как держат что-то что не нужно удерживать силой.

Они так и сидели — в темноте, под неправильными звёздами, с холодеющими стаканами.

Этого было достаточно.

IV.

Последний вечер был обычным.

«Горизонт» включили в восемь — закат, слишком правильный, без единого облака. Они сидели на низком парапете у дальней стены, плечом к плечу, с кружками которые уже давно остыли.

Она рассказывала про Кейси — как девочка сегодня прибежала в медотсек не потому что что-то болело, а просто так, поговорить. Принесла рисунок — звездолёт с большими иллюминаторами и маленькими человечками внутри. Это мы, — объяснила она, — летим куда-нибудь.

— Куда-нибудь, — повторил Ранги. В его голосе была улыбка, хотя лицо было серьёзным.

— Она не уточнила. Куда-нибудь — и всё. Восемь лет, полная уверенность что куда-нибудь обязательно получится.

— Правильная уверенность, — сказал он.

За имитатором неба — в узкую полосу технического окна

под потолком — была видна настоящая луна. Бурая, неподвижная, равнодушная. Арден-6 снаружи. Ранги смотрел на неё.

— Ранги, — сказала Эйрисса.

— М.

— Я рада что ты здесь.

Он не ответил сразу. Повернул голову — посмотрел на неё так как смотрел всегда, без спешки, без лишнего — и взял её руку. Просто держал.

— Я знаю, — сказал он наконец.

Не я тоже и не и я рад — просто я знаю. Потому что знал. Потому что такие вещи между ними давно не нуждались в зеркальном отражении.

Имитатор выдал первые звёзды — неправильные, слишком яркие. Где-то в технических коридорах гудел реактор. За стенами купола выла атмосферная буря которая здесь никогда не кончалась.

Потом он встал. Потянулся — широко, по-домашнему, без стеснения. Сказал что ночная смена, что в реакторном секторе опять барахлит третий контур и Дариус пишет в чат уже час.

— Увидимся утром, — сказал он.

Поправил куртку. Пошёл к выходу.

Эйрисса смотрела как он уходит — не провожая взглядом нарочно, просто он шёл и она смотрела пока могла видеть. Потом он повернул за угол.

Кружка в её руке была давно холодной.

Она ещё немного посидела у имитатора — одна, под неправильными звёздами — и подумала что надо будет завтра спросить его про горы. Про то какими он их себе представляет. Ей было интересно что он скажет.

Завтра.

Она не знала что слово завтра уже кончилось.

Что в эту самую ночь, пока третий контур реакторного сектора барахлил и Дариус писал в чат, а она сидела под неправильными звёздами — что-то под скальной породой Арден-6, в темноте заброшенной выработки, почувствовало тепло станции ближе чем когда-либо раньше.

И проснулось.

Глава 3. Под камнем

I.

Всё началось с тишины.

Не той тишины которая бывает ночью когда станция засыпает и остаётся только гул реактора и шёпот вентиляции — к этой тишине привыкаешь за первые две недели и перестаёшь её замечать. Другой. Той которая случается когда что-то что должно звучать — перестаёт.

Буровые установки третьего горизонта замолчали в четыре сорок семь утра.

Дежурный оператор Сайто заметил это в пять ноль две — когда автоматический рапорт не пришёл в срок и он полез в систему проверить. Установки числились активными. Связь с бригадой не отвечала. Личные маяки горняков — семь точек на карте — показывали штатное положение: глубина восьмьсот метров, давление в норме, температура в норме.

Но буры молчали.

Сайто отправил запрос на связь. Подождал три минуты. Отправил ещё раз. Подождал пять.

Потом разбудил Хольма.

Старший инженер Карл Хольм был из тех людей которых неприятно будить не потому что они злятся — а потому что они сразу, с первой секунды, абсолютно трезвы и собраны, и это как-то неестественно в пять утра.

Он выслушал Сайто молча. Посмотрел на карту. Посмотрел на маяки.

— Семь человек, — сказал он.

— Да.

— Буры стоят пятнадцать минут.

— Семнадцать.

Хольм оделся. Прошёл в центр управления. Сел за терминал и сам попробовал вызвать бригаду — методично, на каждой частоте по очереди, от общей до аварийной.

Тишина.

— Снаряжай спасательную, — сказал он Сайто. — Четыре человека. Я иду с вами.

— Может, подождём? Маяки в норме, может, просто оборудование —

— Семнадцать минут тишины в шахте, — сказал Хольм, — это не оборудование.

Эйрисса узнала об этом в шесть утра — когда пришла в медотсек и обнаружила там Сайто с запиской от Хольма: приведи в готовность, надеюсь что зря.

Она привела.

Разложила всё что могло понадобится при травмах от обвала — переломы, черепно-мозговые, отравление газом. Проверила дефибриллятор. Подготовила носилки. Сделала всё методично и без спешки, потому что спешка в такие моменты — враг, а не союзник.

Потом встала у окна и стала ждать.

Арден-6 снаружи была такой же как всегда — бурый камень, серое небо, буря у горизонта. Ничего не изменилось. Всё было как вчера и как позавчера и как месяц назад.

Но тишина на третьем горизонте продолжалась.

Каррен нашёл её там — у окна, с кружкой которую она налила и забыла выпить.

Он возник в дверях медотсека с видом человека который не спал этой ночью не потому что дежурил а потому что не мог.

— Слышала? — спросил он.

— Слышала.

Он вошёл. Встал рядом у окна. Посмотрел на бурый горизонт.

— Третий горизонт, — сказал он. — Там самая глубокая выработка. Они начали её месяц назад. Я говорил Хольму — не нужно туда лезть. Порода там другая. Я смотрел образцы.

— Порода другая — это нормально для геологии, Каррен.

— Нет, — сказал он. — Не эта. — Он помолчал. — На LV-426 тоже начиналось с тишины. Бригада ушла проверить сигнал и перестала выходить на связь. Потом начались маяки в норме без ответа на вызовы. Потом —

— Каррен, — сказала она.

— Что.

— Вы читали слишком много засекреченных рапортов.

— Потому что больше никто не читал, — сказал он без обиды. — Поэтому и читал я.

Он ушёл так же тихо как появился. Эйрисса смотрела ему вслед.

Выпила наконец кружку. Кофе был холодным.

II.

Спасательная группа вернулась в десять сорок три.

Их было четверо — вышли четверо, вернулись четверо. Хольм шёл первым. Эйрисса увидела их ещё в коридоре и сразу поняла что физических травм нет — все двигались нормально, никто не хромал, никто не нёс никого на руках.

Но лица.

Хольм был белым — не испуганным, нет. Именно белым, тем особым оттенком когда кровь уходит не от страха а от чего-то большего чем страх. Что-то что не имеет ещё имени в голове человека который это видел.

— Бригада? — спросила Эйрисса.

— Нет, — сказал Хольм.

Одно слово. Она не переспросила.

Он прошёл в медотсек. Сел на кушетку — тяжело, как садится человек у которого внезапно кончились силы в ногах. Остальные трое остались в коридоре. Один из них — молодой техник Ари, двадцать два года, первый контракт — стоял у стены и смотрел в пол с выражением которое Эйрисса видела однажды у мальчика в интернате после того как того избил старшие. Не боль. Что-то сделавшее больше чем боль.

Она закрыла дверь.

— Карл, — сказала она тихо. — Что там.

Хольм долго молчал. Смотрел на свои руки — большие, привыкшие к работе, сейчас абсолютно неподвижные на коленях.

— Мы дошли до нижнего яруса, — сказал он наконец. — Там был свет. Аварийные лампы работали. Буры стояли — просто стояли, не сломаны, не повреждены. Инструмент на месте. Термосы с едой. Всё на месте.

— Люди?

— Маяки все там. — Он поднял взгляд. — Мы нашли маяки.

Эйрисса не сразу поняла.

— Отдельно от людей.

— Да.

Тишина.

— И больше ничего?

Хольм помолчал ещё секунду. Потом достал из нагрудного кармана небольшой накопитель.

— Там была камера, — сказал он. — Стационарная, для контроля проходки. Я снял запись.

Эйрисса взяла накопитель. Посмотрела на него.

— Я смотрел её уже, — сказал Хольм. — Один раз. — Пауза. — Больше не хочу.

Она просмотрела запись одна, в своём кабинете, с дверью на замке.

Первые сорок минут — обычная работа. Семь человек,

буровые головки, пыль, перекрики поверх шума механизмов. Том Брайс появлялся в кадре дважды — что-то проверял у дальней стены выработки, делал пометки в планшете.

Потом — в четыре сорок две — буры остановились.

Не сломались. Просто остановились. Как будто кто-то нажал кнопку.

Люди переглянулись. Кто-то потянулся к панели управления. Кто-то начал что-то говорить — камера давала изображение но не звук, только субтитры технического протокола по нижнему краю.

Том Брайс отошёл к выходу из забоя — к штреку, откуда они пришли. Встал там. Смотрел в темноту штрека.

Потом медленно, очень медленно, попятился назад.

Камера показывала его лицо. Эйрисса смотрела на это лицо и понимала что он видит что-то в темноте штрека — что-то чего камера не захватывала, потому что камера была направлена на забой а не на вход.

Последние восемь секунд записи: люди в забое один за другим поворачивались к штреку. Том Брайс что-то кричал — беззвучно, только по губам. Потом он бежал — единственный из семи, бежал к дальней стене выработки, к боковому техническому лазу который на картах числился как аварийный выход и которым никто никогда не пользовался.

Потом запись кончилась.

Субтитр в последней строке технического протокола: 04:47:11 — потеря питания, камера отключена.

Эйрисса сидела в темноте своего кабинета ещё несколько минут.

Потом открыла дверь и пошла к Хольму.

— Том Брайс, — сказала она. — Он ушёл через боковой лаз.

Хольм поднял взгляд.

— Мы проверили лаз, — сказал он. — Он ведёт в технический тоннель седьмого уровня. Там никого не было.

— Значит, он где-то в тоннелях.

— Значит — да. — Хольм помолчал. — Или нет.

Эйрисса не ответила.

За окном медотсека Арден-6 была такой же как всегда. Бурый камень. Серое небо. Буря у горизонта.

Но что-то уже изменилось — не снаружи. Внутри. В том воздухе которым дышала станция, в том свете который падал из лампы, в том как люди в коридоре ходили чуть быстрее чем вчера и чуть тише чем вчера.

Станция это почувствовала раньше чем поняла.

III.

К вечеру слухи уже расползлись по всем модулям.

Станция была маленькой — сто с небольшим человек, три жилых блока, одна столовая. Здесь не бывало тайн дольше нескольких часов. К ужину все уже знали что бригада третьего горизонта пропала. К ночи все уже слышали разные версии того что произошло — обвал, газ, техническая авария, человеческий фактор.

Каждая версия была удобной. Каждая объясняла исчезновение людей чем-то знакомым.

Каррен сидел в столовой один — за дальним столом, с кружкой и планшетом — и молчал. Впервые за всё время что Эйрисса его знала, он молчал.

Она взяла поднос и подошла.

— Можно?

Он кивнул.

Она села. Некоторое время они молчали вместе.

— Вы были правы насчёт породы? — спросила она наконец.

Каррен посмотрел на неё. В его взгляде не было торжества — ничего похожего на я же говорил. Только усталость. Усталость человека который долго надеялся что окажется неправ.

— Образцы из третьего горизонта, — сказал он. — Я смотрел под микроскопом месяц назад. Там была структура которой не должно быть в обычной породе. Слоистая, почти органическая. Я отправил запрос в геологическую службу Альянса.

— Ответили?

— Ответили что я неправильно калибровал микроскоп.

Эйрисса молчала.

— На LV-426, — сказал Каррен, — геологи тоже нашли структуру которой не должно быть. Они назвали это природным образованием. — Он посмотрел в свою кружку. — Там тоже сначала была тишина.

За окном столовой — единственным иллюминатором выходящим наружу — Арден-6 уходила в ночь. Снаружи не было ни одного огня. Только тьма и далёкий отблеск атмосферной бури у горизонта.

— Каррен, — сказала Эйрисса. — Что вы думаете случилось там внизу?

Он долго молчал.

— Думаю, — сказал он наконец, — что кто-то нашёл то чего не должен был находить. И то что они нашли — нашло их в ответ.

Он встал. Собрал поднос.

— Спокойной ночи, доктор.

Ушёл.

Эйрисса сидела одна в почти пустой столовой. За иллюминатором была тьма.

Где-то в тоннелях седьмого уровня — если он был там, если он был жив — Том Брайс прятался в темноте. А его дочь Кейси спала в жилом блоке и не знала что отец не вернулся со смены. Никто ей не сказал. Эйрисса попросила подождать до утра.

До утра.

Она встала и пошла в медотсек — проверить ещё раз что всё готово. Просто проверить. Просто чтобы руки были заняты.

Она не знала что до утра не доживёт прежний мир.

Атака началась в два часа ночи.

Глава 4. До вечера

I.

Она не собиралась к нему в эту ночь.

Просто шла из медотсека домой — поздно, после разговора с Карреном, с головой занятой записью с камеры и лицом Тома Брайса пятящегося от чего-то в темноте штрека. Коридоры были почти пустыми. Дежурная смена, редкие огни, гул реактора под ногами — всё как всегда, всё не как всегда.

Она остановилась у его двери сама не зная когда приняла это решение.

Постояла секунду. Постучала.

Он открыл быстро — не спал, судя по виду. Стоял в дверях в футболке и рабочих штанах, с планшетом в руке, и смотрел на неё так как смотрел всегда — без лишних вопросов, просто видел её.

— Заходи, — сказал он.

Она вошла и сразу сказала ему всё — про бригаду, про запись, про лицо Тома Брайса, про то что Каррен сидел в столовой и молчал и это было страшнее всего что он когда-либо говорил. Она говорила быстро — не потому что торопилась, а потому что внутри было слишком много и ему можно было отдать всё это без страха что он не выдержит.

Он выдержал.

Слушал стоя, потом сел рядом на край стола, потом взял

её руку — молча, просто взял и держал пока она говорила. Когда она замолчала он не стал говорить что всё будет хорошо. Не стал объяснять и успокаивать.

Просто притянул её к себе.

Она уткнулась лицом ему в плечо — в тепло и запах его кожи, в ту единственную точку в этой станции где тревога немного отступала — и почувствовала как что-то внутри, державшееся весь день на профессиональной собранности и методичности, наконец отпустило.

Не слёзы. Просто — отпустило.

Он держал её. Молчал. Одна рука у неё на спине, другая в волосах — тихо, без спешки.

Потом она подняла голову.

Посмотрела на него.

Он смотрел на неё — и в его взгляде было то что она давно научилась в нём читать: спокойная, твёрдая, ничего не требующая любовь. Любовь человека который никуда не торопится потому что уже там где хочет быть.

Она потянулась к нему первой.

То что случилось потом было не утешением и не попыткой забыть.

Это была жажда — острая, почти отчаянная, та которая бывает когда тело понимает раньше разума что времени меньше чем казалось. Они не говорили. Говорить было незачем — они знали друг друга достаточно чтобы молчание было точнее слов.

Она помнила его руки — как они умели быть одновременно сильными и бережными, как он никогда не торопил и никогда не медлил, как он смотрел на неё в темноте с тем выражением от которого что-то в груди сжималось и отпускало одновременно.

Она помнила его голос — низкий, тихий, произносящий её имя так как никто другой никогда не произносил.

Она помнила как за иллюминатором над его плечом была тьма Арден-6 — бесконечная, равнодушная — и ей было всё равно. Здесь было тепло. Здесь был он.

Потом они лежали тихо. Его рука в её волосах — медленно, почти бессознательно. Она слушала его дыхание и думала что вот это — вот это молчание после, это тепло, это тяжесть его руки — и есть то самое о чём не умеют говорить вслух, то за что люди цепляются и боятся называть по имени чтобы не спугнуть.

Она не спугнула.

Она просто лежала и думала что хорошо. Что очень хорошо. Что она не знала раньше что может быть так хорошо.

Счастье такого размера не бывает без цены.

Она тогда не знала этого.

II.

Сирена подняла их в два ноль четыре.

Не постепенно — сразу, в полную силу, тот аварийный сигнал который на станции отрабатывали на учениях дважды в год и который никто никогда не слышал по-настоящему-

му. Красный свет в коридорах. Голос системы оповещения — ровный, без интонаций, оттого особенно страшный: внимание, нарушение периметра, сектор три, всему персоналу следовать в защищённые зоны.

Они вскочили одновременно.

Оделись в темноте — быстро, молча, как одеваются люди которые умеют не мешать друг другу в маленьком пространстве. Она нашла ботинки. Он затянул куртку. Схватил планшет — рефлекс техника, даже сейчас.

В коридоре уже был шум — топот, голоса, кто-то кричал что-то неразборчивое из сектора три.

Ранги остановился у двери.

Посмотрел на неё.

В красном аварийном свете его лицо было другим — резче, тени глубже. Но взгляд был тот же. Всегда тот же.

— Реакторный сектор, — сказал он. — Мне туда. Если третий контур сейчас накроется при разгерметизации —

— Я знаю, — сказала она.

Она знала. Она была врачом на этой станции достаточно долго чтобы понимать что реакторный сектор в аварийной ситуации — это то место куда идут люди как Ранги, потому что больше некому и потому что если никто не пойдёт то умрут все.

Она подошла к нему.

Взяла его лицо в ладони — так как никогда раньше не делала, открыто, без смущения — и поцеловала его. Долго.

Так как целуют когда хотят чтобы это помнилось. Не потому что боялась — она не позволяла себе бояться, не сейчас — а потому что хотела чтобы он унёс это с собой туда куда шёл.

Он ответил — так же, обеими руками у неё на лице, большими пальцами у висков.

Потом отстранился.

Смотрел на неё секунду — одну, последнюю.

— До встречи, — сказал он.

В его голосе была та же спокойная уверенность что всегда. Будем. Увидишь. До встречи. Он не умел говорить иначе — не потому что не понимал опасности, а потому что выбирал какие слова оставлять после себя.

— До вечера, — сказала она. — Милый.

Последнее слово — она никогда не говорила его вслух раньше. Оно вышло само, тихо, почти удивив её саму.

Он улыбнулся — быстро, уголком рта — и вышел в коридор.

Она смотрела как он идёт — широкий в плечах, уверенный в движениях, ни разу не оглянувшийся. Повернул за угол. Красный свет мигнул.

Исчез.

Ш.

Эйрисса бежала к учебному блоку.

Коридоры были уже полны — люди в разной степени одетости, с детьми на руках, с вещами и без вещей, с лицами в которых страх ещё не успел оформиться во что-то кон-

кретное потому что никто не понимал от чего именно бежит. Система оповещения продолжала говорить своим ровным страшным голосом: нарушение периметра, сектор три, сектор четыре.

Теперь уже четыре.

Эйрисса бежала и думала только о детях — где они, успели ли их поднять, кто с ними сейчас, есть ли в учебном блоке взрослые которые не потеряют голову.

Потом из сектора четыре донёлся звук.

Она не сразу поняла что это. Не сразу нашла для него категорию в своей голове — потому что ничего похожего не слышала раньше. Не взрыв, не металлический скрежет, не человеческий крик. Что-то между этим. Что-то живое и одновременно не похожее ни на что живое которое она знала.

Люди вокруг неё побежали быстрее.

Она тоже побежала быстрее.

Учебный блок был в конце центрального коридора — тяжёлая переборка, кодовый замок, воздушный фильтр отдельного контура. Она добралась туда за четыре минуты. Воспитательница Грета уже была внутри с восемью детьми — остальных ещё несли, тащили, вели за руки из жилых секций.

Кейси сидела в углу с коленями прижатыми к груди и смотрела на дверь.

— Доктор Эйрисса, — сказала она тихо. — Папа там.

— Папа придёт, — сказала Эйрисса.

Она не знала этого. Она не имела права говорить этого.

Она сказала это потому что восемь лет, и астма, и потому что некоторая ложь — это не ложь а единственное что можно сделать в эту секунду.

Последние дети вбежали в блок. Эйрисса задраила переборку. Повернула ручку замка.

Снаружи — через сталь и звукоизоляцию — донёлся тот звук снова. Ближе.

Потом ещё один — совсем другой. Человеческий. Обрывающийся.

Потом тишина.

Кейси смотрела на дверь.

— Доктор Эйрисса, — сказала она. — Вы плачете?

Эйрисса поняла что да. Не чувствовала этого — просто лицо было мокрым и Кейси это видела.

— Нет, — сказала она. — Просто бежала. Устала.

Она опустилась на пол рядом с Кейси. Взяла её за руку.

Снаружи была тьма и что-то в этой тьме двигалось.

IV.

Ранги Парата погиб у шлюза реакторного сектора в два двадцать семь утра.

Эйрисса не знала этого тогда. Она узнает это позже — через Проматерь, которой у неё ещё не было — увидит то место, тот коридор, то что произошло там в красном аварийном свете. Увидит его лицо в последнюю секунду.

Но это будет потом.

Сейчас она сидела на полу учебного блока, держала руку Кейси, слушала как снаружи творится то чему она пока не могла дать имя — и не знала. Не знала ещё.

Иногда незнание — последнее милосердие.

Она сидела и держала руку девочки. За переборкой шло то что шло. Реактор гудел — значит Ранги или кто-то другой успел, значит контур держался. Дети дышали рядом — тихо, некоторые уже засыпали, потому что дети умеют засыпать даже в этом, потому что тело умнее страха.

— Доктор Эйрисса, — сказала Кейси после долгого молчания.

— М.

— Когда всё закончится — вы думаете папа придёт за мной?

Эйрисса сжала её руку.

— Да, — сказала она.

И впервые за эту ночь — не солгала.

Глава 5. Двое суток

I.

Первые часы были ещё терпимыми.

В боксе было восемнадцать человек — пятнадцать детей и трое взрослых: Эйрисса, Грета и Куэйд, горный техник лет пятидесяти который оказался здесь случайно, забежал следом за последним ребёнком и не успел выйти до того как Эйрисса задраила переборку. Он не жаловался на это. Просто сел у стены и стал смотреть в пол.

Бокс был учебным помещением — столы, стулья, экран на стене, шкаф с материалами. Рассчитан на двадцать человек в течение учебного дня. Не на восемнадцать человек на двое суток.

Воздух был. Собственный контур вентиляции, отдельный от основной системы — этого должно было хватить. Эйрисса рассчитала в первые полчаса, на обороте учебного листа: восемнадцать человек, объём помещения, расход на дыхание. Хватит. Не комфортно — но хватит.

Еды не было.

Воды не было.

В шкафу нашлись три тюбика с засохшей акварелью, стопка бумаги, коробка цветных карандашей и один мятный леденец завалившийся за полку — Грета нашла его и отдала Кейси не раздумывая.

Кейси взяла. Поддержала в руке. Потом встала и разломилась пополам — половину Грете, половину обратно в коробку.

— Потом, — сказала она серьёзно. — Когда совсем плохо будет.

Грета посмотрела на неё и отвернулась быстро.

Снаружи шло то что шло.

Первые часы это был шум — топот, голоса, что-то тяжёлое падало в коридорах, что-то скрежетало по металлу с той особой тональностью от которой волосы на руках поднимаются раньше чем мозг успевает объяснить почему. Потом начались выстрелы — импульсные, судя по частоте и звуку, значит кто-то из охраны добрался до оружейной.

Потом крики.

Дети жались друг к другу — инстинктивно, как жмутся животные при опасности, телом ища тепло и присутствие. Маленький Лукас — тот самый Лукас которому Эйрисса клеила бровь месяц назад — забрался под стол и сидел там, обхватив колени руками. Никто не стал его вытаскивать. Под столом было своё небольшое укрытие внутри укрытия.

Кейси не пряталась. Сидела у стены, прямо, с коленями прижатыми к груди, и смотрела на переборку.

Эйрисса сидела рядом с ней.

— Доктор Эйрисса, — сказала Кейси после долгого молчания. — Что там снаружи?

— Не знаю точно, — сказала Эйрисса.

— Это те существа?

— Наверное.

— Каррен говорил про них. На кухне. Я слышала.

— Кейси —

— Он говорил что они с LV-426. Что там тоже так было.

— Пауза. — Доктор Эйрисса, там папа.

— Я знаю.

— Он найдёт способ. Папа всегда находит способ.

Эйрисса взяла её за руку. Ничего не сказала.

За переборкой грохнуло — близко, очень близко, так что бокс качнулся и с полки упал шкаф с материалами. Дети вскрикнули. Кто-то заплакал — наконец, первые слёзы за несколько часов, прорвало. Грета тут же оказалась рядом, обняла, что-то говорила тихо и методично, то что говорят детям когда слова не важны а важен только голос.

Куэйд у стены поднял голову.

— Это взрывчатка, — сказал он. — Ячейки для подрыва породы. Кто-то пустил в ход.

— Помогает? — спросила Эйрисса.

Он помолчал.

— Замедляет, — сказал он. — Судя по звуку — замедляет.

II.

Бой у шлюза реакторного сектора шёл сорок семь минут.

Эйрисса узнает это потом. Сейчас она только слышала — через сталь и изоляцию, приглушённо, фрагментами — и не знала что именно слышит. Не знала что в двухстах метрах

от неё, за тремя переборками и двумя поворотами коридора, девять человек держат шлюз.

Не знала что один из них — Ранги.

Он оказался там случайно и неслучайно одновременно.

Реакторный сектор был его местом — третий контур, барахливший полгода, в аварийной ситуации мог пойти вразнос и тогда умерли бы все. Он добрался туда за восемь минут после сирены, стабилизировал контур, задраил внутренние переборки. Рядом оказались ещё восемь человек — двое из охраны с импульсными винтовками, остальные техники и один горняк по имени Вессел который пришёл сюда зачем-то с ломом и остался потому что идти обратно было уже некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.